

лексико-семантических системах близкородственных языков (на материале русской и белорусской пространственной и временной лексики)» под научным руководством известного ученого-лингвиста профессора А. Е. Михневича.

Далее вся сознательная жизнь Вячеслава Константиновича Щербина – напряженная работа в науке. С 1982 г. он научный сотрудник Института языкознания имени Якуба Коласа АН БССР, с 1990 г. – в Президиуме Академии наук БССР (ведущий, главный специалист, помощник президента Академии), с 1999 г. работает по совместительству в Аналитическом центре НАН Беларуси, а в 2003 г. окончательно переходит на должность заведующего отделом науковедения Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси (в 2004–2006 гг. – заместитель директора). Чем старше становился наш юбиляр, тем меньше карьерных амбиций у него оставалось. В общественном мнении даже сложился его негласный неформальный портрет – высокообразованного и знающего специалиста, который признает только факты и никакие авторитеты не могут его заставить изменить свою научную позицию. Слова Аристотеля «Платон мне друг, но истина дороже» – это про В. К. Щербина. Будет страдать, переживать, но сделает и скажет открыто только то, что подсказывает ему совесть ученого и научно доказанная истина. При этом он всегда открыт для дискуссии и готов с вниманием и уважением к собеседнику выслушать иную точку зрения.

Поражает круг научных интересов нашего юбиляра – языкознание и науковедение, социология и социальная философия, история и экономика, а также его энциклопедичность и трудолюбие. Он автор более 400 научных работ, в том числе трех монографий: «Тэарэтычныя праблемы беларускай лексікаграфіі» (Мінск, 1996); «Комплексный науковедческий анализ деятельности Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в 1991–2006 гг.» (Минск, 2008); «Инфраструктурные составляющие инновационной экономики» (Минск, 2010; 2-е изд. Саарбрюккен, 2012); соавтор ряда коллективных монографий, большого количества энциклопедической и справочной литературы. Больше других своих работ, как мне показалось, он ценит участие, по приглашению своего учителя, профессора А. Е. Михневича, в написании коллективной монографии «Общество – язык – политика» (Минск, 1988) и работе над энциклопедией «Беларуская мова».

Вячеслав Константинович – один из наиболее востребованных ученых-обществоведов, всегда легок на подъем, постоянный и активный участник многих международных научных форумов, где он достойно представляет белорусскую науку. С ним всегда похорошему трудно. Но он настоящий ученый, не соврет и не предаст, а если надо, работать будет сутками, но слово обязательно сдержит. В нем подкупает искреннее стремление к правде, честному покорению вершин в науке, высоконравственное отношение к жизни вообще. Он человек увлекающийся, одержимый в научном поиске и трудолюбивый необыкновенно, а значит, самые крутые вершины, великие дела и свершения еще впереди. Здоровья тебе, дорогой друг, и успешного восхождения. Дорогу осилит идущий... Поздравляем!

А. Н. Данилов,
член-корреспондент НАН Беларуси

УДК 316:005:81'42

В. К. ЩЕРБИН,
КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ В СТРУКТУРЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматривается концепт *управленческий дискурс*. Анализируются типы управленческого дискурса и их связи с другими видами дискурса. Определяется концептуальная структура управленческого дискурса и место в этой структуре социальных концептов.

Ключевые слова: управление, управленческий дискурс, управленческая практика, управленческие жанры, концептуальная структура управленческого дискурса, управленческие концепты, социальные концепты.

The concept of *management discourse* is considered in the article. The types of management discourse and their relations with other kinds of discourse are analyzed. The conceptual structure of management discourse and the place of social concepts in this structure are determined.

Key words: management, management discourse, management practice, management genres, conceptual structure of management discourse, management concepts, social concepts.

На наших глазах современный мир стремительно усложняется (дифференцируется на все большее количество частей), а для управления этой растущей сложностью требуется все больше профессиональных менеджеров. По мнению известного американского социолога и футуролога Э. Тоффлера, «именно острая нужда в объединении частей в одно целое вызывает неуклонный рост больших правительств в любом обществе... Политические демагоги то и дело выступали с призывами сократить состав правительства. Однако же, придя к власти, те же самые лидеры обычно не делали правительство меньше, а, скорее, расширяли его»¹. В полной мере с данной тенденцией (ростом общего количества управленцев) столкнулись и страны СНГ, затеявшие непростую перестройку основ своего социально-политического строя, в ходе которой многие годы элементы старого, уходящего образа жизни будут «совмещаться», сосуществовать с элементами нового, нарождающегося строя. Чтобы справиться с непростой задачей по объединению, совмещению разнотипных элементов и частей, общее количество управленцев во всех государствах Содружества практически удвоилось². Данный факт стал предметом постоянной критики и спекуляций в оппозиционной прессе на всем постсоветском пространстве.

Известный отечественный науковед С. Г. Кара-Мурза обосновывает жизненную необходимость сохранения и дальнейшего укрепления управленческих кадров России тем, что «наш госаппарат – чиновники – остается единственной организованной силой, которая способна худо-бедно противостоять давлению еще более разрушительных сил. Ни рынок, ни многопартийность этой защиты обеспечить не могут. Если бы не миллионы наших чиновников, парализованная страна уже остыла бы и черви обглодали бы ее уже до костей. Да, наш госаппарат изуродован, растрепан чередой чисток и реформ, озлоблен клеветой и издевательствами, сбит с толку идеологической чепухой и повязан коррупцией. Все мы страдаем от бюрократической машины, приведенной в такое состояние, все мы исполнены к ней злым чувством. Но если мы позволим ее добить – нам конец! Надо ее сберечь, а потом и вылечить»³.

О необходимости повышения требований к управленческим кадрам пишут и многие белорусские исследователи. Так, по мнению В. В. Русакевича, «с учетом известной децентрализации руководства и управления существенно возрастают требования к уровню теоретической и практической подготовки управленческих кадров. Современному руководителю приходится в быстроизменяющихся социально-экономических условиях самостоятельно принимать ответственные, нередко неординарные решения. Важная задача государства – создать систему подготовки и повышения квалификации управленцев-профессионалов, обеспечить эффективность исследований проблем организационно-управленческой деятельности как в отраслевой, вузовской, так и в академической науке»⁴.

Нужно сказать, что в Республике Беларусь немало уже сделано в области подготовки высококвалифицированных менеджеров. «Завершается формирование всех элементов системы подготовки управленческой элиты. Первичным ее звеном является подготовка студентов по специальностям управления, которая осуществляется в 20 государственных и 5 частных вузах. Общее количество лиц, обучаемых по специальностям «Государственное управление», «Бизнес-управление», «Экономика и управление», составляет около 118 тыс. человек»⁵. Иными словами, каждый четвертый белорусский студент готовится стать профессиональным менеджером.

Однако только ли подготовкой необходимого количества управленческих кадров исчерпывается проблема совершенствования государственного управления Беларуси? На наш взгляд, указанная проблема, наряду с кадровым аспектом, включает и другие, не менее важные аспекты:

1. Регулярный мониторинг мировой управленческой практики на предмет выявления и учета тенденций в сфере менеджмента. К примеру, известный немецкий специалист в области государственного управления Г. Шмидт пишет об одной из таких тенденций следующее: «Новое управление ориентируется на новый имидж, который включает требование предлагать услуги эффективным и действенным образом. Уже осуществленные меры свидетельствуют о том, что правительственные структуры будущего не станут отражением иерархии государства. Путь к социально ориентированному обществу является одной из самых типичных характеристик структурных изменений, имеющих место в нашей экономике и обществе наряду с переходом к глобализации экономики»⁶. Иными словами, в процессе выработки управленческих решений все больше должны учитываться социальные запросы населения.

В свою очередь, известный американский экономист П. Ф. Друкер, изучая феномен японского инновационного чуда, выявил тенденцию к преобладанию собственных, национально ориентированных социальных инноваций над заимствованными у Запада технологическими инновациями в сфере инновационного менеджмента Японии: «Японцы сто лет назад приняли осознанное решение сосредоточить имеющиеся

ресурсы на социальных нововведениях и на имитации, импортировании и адаптации технических новшеств – и добились головокружительных успехов»⁷. И эту тенденцию необходимо учитывать в процессе управления инновационным развитием Беларуси.

2. Устранение отрицательных ментальных проявлений в системах управления. К числу таких проявлений белорусский исследователь В. С. Селицкий относит порочный, неправильный стиль управления (спонтанный, непрогнозируемый, милитаристский, садистский и т. п.); практику круговой поруки; игнорирование нормативных актов; родственные, приятельские и коррупционные связи; высокую конфликтность; девиантную корпоративную культуру⁸.

3. Всестороннее изучение сферы управленческих коммуникаций: выявление сложившихся в ней типов управленческого дискурса (политического, делового, финансового, медийного и пр.), а также связанных с ними других видов дискурсов; описание эксплицирующих их дискурсивных практик, жанров и стилей; определение концептуальной структуры каждого типа управленческого дискурса, связанной с ним дискурсивной практики, и т. д.

4. Постоянное совершенствование понятийного аппарата современного менеджмента.

На наш взгляд, только такой комплексный подход к рассмотрению проблемы укрепления государственного управления Беларуси позволит продвинуться в решении. В частности, чтобы «оздоровить» современную управленческую практику, в рамках которой широко используются ключевые понятия (концепты) разных наук и областей профессиональных знаний (политологии, социологии, экономики, истории, менеджмента, теории и практики «публик рилейшнз» и др.), требуется безотлагательное интеллектуальное «лечение» ее понятийного аппарата. Совершенствование понятийного аппарата современного менеджмента сегодня может осуществляться по двум направлениям: а) путем выявления и определения общенаучных социальных концептов при описании междисциплинарных феноменов управленческой сферы; б) путем уточнения понятийного содержания ключевых концептов конкретных наук (политологии, социологии, экономики и др.), широко используемых в рамках управленческого дискурса.

Что касается первого направления совершенствования понятийного аппарата современного менеджмента, то здесь дела обстоят неважно. Российский исследователь А. А. Касьянов даже попытался объяснить, почему до сих пор не выработаны и не определены общенаучные социальные концепты, употребляемые при описании междисциплинарных феноменов управленческой сферы: «Как правило, в книгах, изданных в разные годы, одно и то же слово, понятие, категория имеет разный смысл, значение. Разговаривая об одном и том же предмете, факте, явлении, событии, люди разных возрастов употребляют одни и те же слова, понятия, категории, но вкладывают в них разный смысл. Почему? Оказывается, за последние 100 лет у нас минимум семь раз меняли понятийный аппарат вместе с книгами (после Николая II; при Ленине полностью; во времена Сталина частично; после Сталина полностью; после Хрущева частично; после Брежнева частично; после Горбачева полностью; после Ельцина частично). Поэтому в обществе люди разных поколений, употребляя одинаковые слова, вкладывают в них разный смысл... Отсюда разрыв понимания у родителей и детей. Причина взаимного непонимания – они учились по разным учебникам, читали разные словари, справочники и энциклопедии»⁹.

Имеются немалые трудности и в рамках второго направления совершенствования понятийного аппарата современного менеджмента. Они связаны с необходимостью уточнения понятийного содержания ключевых концептов конкретных наук в рамках управленческого дискурса. Раскроем эти трудности на примере современной социологии. В последние годы тематическая граница между социологией и смежными с нею социальными науками¹⁰ весьма прозрачна, чисто условна, что порождает понятийную неразбериху. По мнению отдельных исследователей, существуют два принципиально отличающихся выхода из сложившейся ситуации.

Известный российский экономист В. М. Полтерович предлагает использовать понятийную близость различных социальных наук для формирования единой науки об обществе: «Общественные науки нуждаются друг в друге для решения поставленных ими задач, у них общий объект исследования, общая эмпирическая база и единый аналитический инструментарий. Это дает основание надеяться на постепенное формирование **общего социального анализа (ОСА)**... Становление ОСА, вообще говоря, не означает исчезновения ныне существующих общественных дисциплин. Для формирования общего социального анализа как самостоятельной дисциплины необходимо постепенно менять образовательные программы общественных дисциплин и организацию исследований. Экономисты должны иметь (сначала – по выбору, а потом и обязательно) курсы социологии, политологии, демографии, психологии, права. А программы социологов, политологов, юристов-теоретиков в свою очередь должны пополниться курсами теории игр и эконометрики. Мультидисциплинарные иссле-

дования должны постепенно стать нормой. Современный институциональный анализ с его методологической эклектикой мог бы стать удобной площадкой для синтеза»¹¹.

В свою очередь, известный американский социолог М. Буравой в своей знаменитой статье «За публичную социологию» придерживается кардинально отличающейся точки зрения: «Социальные науки – вовсе не плавильный котел дисциплин, потому что дисциплины представляют различные и противоположные интересы – в самую первую очередь интересы по сохранению тех оснований, на которых базируется их знание. Экономика, какой мы представляем ее сегодня, зависит от существования рынков с их интересами экспансии; политология зависит от государства, заинтересованного в политической стабильности; в то время как социология зависит от гражданского общества с его интересом в расширении общественного»¹². Иными словами, М. Буравой указал на зависимость тематических границ различных социальных дисциплин от социальной реальности и на необходимость учитывать реальные онтологические связи в рамках данной реальности.

И если в рамках управленческого дискурса действительно используются социальные концепты (что будет показано нами ниже), а в рамках социологической науки – управленческие концепты и явления¹³, то это еще не означает, что эти концепты понимаются социологами и управленцами одинаково, для обозначения одних и тех же онтологических реалий управленческого дискурса. Во всяком случае, по справедливому замечанию О. В. Тальвинского, И. Н. Бородиной и С. В. Бухтоярова, «очень часто авторы, пишущие на тему управления, не эксплицируют онтологические основания своих теорий. Между тем, именно онтологические основания, тот или иной способ видения устройства мира, изначально задают результаты теоретического рассмотрения проблем управления»¹⁴.

Окончательно снять вопросы с корректным использованием социальных концептов управленцами может помочь только изучение различных типов управленческого дискурса и эксплицирующих их дискурсивных практик, жанров и стилей. Данное изучение будет способствовать прояснению онтологических оснований описываемой с их помощью управленческой практики. Приведем веские причины для рассмотрения в рамках данной статьи следующих вопросов:

- 1) уточнение понятийного содержания концепта *управленческий дискурс*; определение типов данного вида дискурса, его связей с другими видами дискурсов;
- 2) изучение концептуальной структуры управленческого дискурса;
- 3) постановка ряда проблем, от решения которых зависит будущее состояние понятийного аппарата управленческого дискурса (проблемы выявления социальных концептов, используемых в рамках управленческого дискурса; проблемы классификации социальных концептов путем составления их словарей и др.).

Концепт управленческий дискурс

Трудности с определением концепта *управленческий дискурс* во многом обусловлены сложностью того опорного понятия (*дискурс*), которое является ядерной составляющей данного концепта: «Понятие “дискурс” так же сложно, как и многие другие понятия в науках, например “язык”, “коммуникация”, “сознание”, “мозг”, “общество” или “власть”. В зависимости от того, какой аспект нас интересует, дискурс можно определить как “использование языка”, “форму коммуникации”, “форму социального взаимодействия”, “речевой акт”, “текст”, “разговор” и т. д. Лингвистически говоря, дискурс – это связная последовательность письменных предложений или устных высказываний, выраженных в определенной коммуникативной ситуации с целью передачи информации или выполнения других социальных действий»¹⁵. Справедливость приведенного определения понятия *дискурс*, данного известнейшим зарубежным представителем критического дискурс-анализа Т. ван Дейком, подтверждается многообразием интерпретаций указанного понятия, представленных в отечественной дискурсивной практике.

Под *дискурсом* отдельными отечественными исследователями понимаются следующие когнитивные конструкты: 1) «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу развертывания дискурса»¹⁶; 2) «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста»¹⁷; 3) «вид речевой коммуникации, ориентированный на обсуждение и обоснование любых значимых аспектов действий, мнений и высказываний ее участников»¹⁸; 4) «логически стройной,

обоснованное суждение (в отличие от чувственного и интуитивного); текст в собственном аспекте – понятие, особенно популярное в постструктурализме и коммуникативной философии»¹⁹; 5) «регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующая и воспроизводящая деятельность, рецепция которой формирует или изменяет картину мира и модели опыта человека»²⁰; 6) «термин, несущий в себе печать не одной, а целого ряда социальных и гуманитарных наук – философии, лингвистики, психологии, социологии, этнографии, культурологии, политологии, коммуникативистики, – словом, тех наук, которые изучают речь, ее содержательный потенциал и реализацию этого потенциала»²¹; 7) «текст + социальный контекст»²² и др.

Отмеченное выше исключительное многообразие интерпретаций общенаучного понятия *дискурс* обусловило наличие столь же пестрого набора определений концепта *управленческий дискурс*, которые представлены в отечественной научной литературе, посвященной изучению данного вида дискурса. К примеру, в монографии Т. А. Ширяевой данный концепт описывается следующим образом: управленческий дискурс – это сложная структура, обладающая рядом институциональных и когнитивно-лингвистических особенностей, отличающих его от всех других типов дискурса. Управленческий дискурс – это процесс творческого следования норме, которая диктуется и познается через сложную и многомерную «профессиональную» картину мира, актуализированную через базисные понятия управленческой культуры, профессионально направленные идеи и концепты, нормы институционального и межличностного поведения, детерминирующие деловое общение, ценностные ориентации; схемы, фреймы стереотипных ситуаций, формулы; специальный тезаурус. Все это знания, которые вербализуются в текстах профессиональной направленности на лингвокогнитивном уровне²³.

Далее в диссертационном исследовании О. Л. Юдиной управленческий дискурс «понимается как жанровый корпус текстов, который развернут в пространстве и времени, а также как способ передачи когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через текст в его языковой реализации и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации»²⁴. Кроме того, по мнению О. Л. Юдиной, «управленческий дискурс представляет собой специфический образ мышления»²⁵.

Наконец, Ю. В. Данюшиной «под управленческим интернет-дискурсом... понимается общение топ-менеджеров в профильных блогах, на специализированных сайтах и форумах»²⁶ (в качестве материала был использован англоязычный дискурс, формируемый в сети преимущественно американскими и британскими бизнес-лидерами и управленцами). Таким образом, даже из уже приведенных определений концепта *управленческий дискурс* можно сделать вывод, что дать единую, унифицированную интерпретацию данному концепту вряд ли возможно по следующим причинам: 1) исследователи указанного вида дискурса по-разному понимают *управленческий дискурс*; 2) в зависимости от сферы применения данного концепта (политическая сфера, социальная сфера, деловая сфера, медиасфера и т. д.) выделяются разные типы управленческого дискурса, заметно отличающиеся между собой по понятийному содержанию. Кроме того, существенное влияние на содержание того или иного типа управленческого дискурса оказывают его взаимосвязи с другими видами дискурсов (деловым, научным, медийным и пр.).

Типы управленческого дискурса, их связь с другими видами дискурсов.

Сегодня в отечественной научной литературе, посвященной изучению управленческого дискурса, выделяется целый ряд его весьма отличающихся типов. К примеру, в диссертационном исследовании Н. В. Даржаевой описываются отличия между следующими типами управленческого дискурса: «УД (управленческий дискурс. – В. Щ.) является типом институционального *статусно-ориентированного дискурса* (выделено нами. – В. Щ.). При исследовании дискурса в сфере организационной коммуникации выделяются бизнес-дискурс, деловой дискурс, групповой профессиональный дискурс корпоративного типа, дискурс бизнес-плана, дискурс переговоров. Если бизнес-дискурс и деловой дискурс охватывают все категории организационной коммуникации, дискурс бизнес-плана относится к письменным текстам, а переговоров – к устным, то УД реализуется как в тех, так и в других. Корпоративный дискурс отличается от УД тем, что реализуется в такой категории организационной коммуникации, как межличностное общение»²⁷.

Российская исследовательница Ю. В. Данюшина считает, что «с началом острой стадии глобального финансово-экономического кризиса (примерно с лета 2008 г.) западные аксиологические доминанты при обсуждении деловых управленческих проблем начали претерпевать изменения. Все чаще (особенно в демократическом интернете) стали говорить о неспособности свободного рынка к эффективной саморегуляции и о злоупотреблениях «жирных финансовых котлов» в отсутствие жесткого общественного/государственного контроля. Фактически началось формирование но-

вого, неолиберального, *социально ориентированного управленческого дискурса* (выделено нами. – В. Ш.)²⁸.

На наш взгляд, правомерность разграничения статусно-ориентированного и социально ориентированного типов управленческого дискурса не подлежит сомнению. Британский исследователь Н. Фэрклоу еще в 2001 г. писал о том, что «дискурс как часть социальной деятельности конституирует жанры, представляющие собой различные способы поведения, производства, социальной жизни, имеющие семиотическую природу, например: повседневный разговор, встречи в различных типах организаций, политические и другие интервью, обзоры литературы... Дискурсы – это различные репрезентации социальной жизни, которые позиционируемые – различные позиции социальных агентов позволяют им различным образом “видеть” и репрезентировать социальную жизнь в различных дискурсах. Например, жизнь бедных и малообеспеченных людей репрезентируется в различных дискурсах в социальных практиках правительства, политики, медицины, социальной науки, а также в различных дискурсах в рамках каждой из этих практик в зависимости от различных социальных позиций социальных агентов. И наконец, дискурс, как часть образа жизни, конституирует стили – например, стиль менеджера, стиль политического лидера»²⁹.

Таким образом, если статусно-ориентированный управленческий дискурс носит институциональный характер, поскольку ориентируется на те или иные формальные характеристики элитных сообществ³⁰, то в основе социально ориентированного управленческого дискурса лежат менее очевидные и более замаскированные властные отношения. К примеру, такой подтип статусно-ориентированного типа управленческого дискурса, как президентский дискурс, опирается в России на следующие формально выраженные дискурсивные практики и жанры: «послание Федеральному собранию, торжественная речь при вступлении в должность президента, прощальная речь президента, блог президента и др., а также тексты важного идеологического содержания (программа политической партии)»³¹. Социально ориентированный тип управленческого дискурса базируется на интроспективных практиках и жанрах проявления властных отношений: «...не столько прямое внешнее насилие, сколько внутренняя потребность в следовании некоторому образцу поддерживает и укрепляет подчас невообразимые властные отношения. Интроспективный подход помогает усвоить когнитивную природу феномена власти, показать укорененные в сознании формы подчинения и доминирования... Наиболее яркие проявления власти можно увидеть между детьми и родителями в семье, между рядовым и офицерским составом в армии, между учителем и учеником в школе. Через интроспективную практику можно увидеть, казалось бы, замаскированную тотальность властных отношений. Маскировка – это всего лишь защитная реакция нашего сознания, предохраняющая от личных конфликтов и противоречий... Взаимосвязь врожденных и приобретенных характеристик индивида создает то поле, на котором конституируется доминирование. Социальные отношения закрепляют склонность к подчинению. Поэтому так важно научиться выделять внутренние, врожденные характеристики доминирующих и доминируемых групп»³².

Из приведенных высказываний видно, что конститутивным свойством любого типа управленческого дискурса (статусно-ориентированного или социально ориентированного), а также репрезентирующих его дискурсивных практик, жанров и стилей является манипулятивность, воплощаемая здесь широко и системно, «в целом спектре аргументативно-манипулятивных речевых технологий, что позволяет говорить о ее трансформации в единую систему коммуникативного идеологического менеджмента (КИМ), в область которого, помимо управленческого, делового дискурсов, входят и политические, и массмедийные дискурсы»³³. Взаимосвязи между различными типами управленческого дискурса и иными видами дискурсов (политическим, научным, экономическим и прочими) сегодня наглядно проявляются при формировании новых типов управленческого дискурса.

Н. Фэрклоу приводит примеры новых типов управленческого дискурса, неразделимо связанных с другими видами дискурсов (экономическим и научным):

1) «экономические дискурсы материализуются, например, в инструментах экономического производства, включая материальное производство (hardware) (заводы, машинное оборудование и т. д.) и программное производство» (software) (системы управления). Такое представление частично дискурсивно-семиотическое: дискурсы начинают функционировать как жанры. Представим себе, например, новые управленческие дискурсы, которые полагают (imagine) системы управления, основанные на принципе «работы команды», относительно неиерархичные и сетевые. Они начинают дискурсивно функционировать как новые жанры, например жанры рабочих совещаний. Такое специфично дискурсивное предписывание встроено в производственный процесс в качестве новых способов действия и взаимодействия и даже,

возможно, в качестве новых пространств совместной деятельности (например, комнаты для совещаний, конференц-залы)»³⁴;

2) «новый дискурс может утвердиться в институте или организации, не будучи предписанным или навязанным. Он может быть предписан, но так и не навязан, и примеров тому существует огромное множество. Например, за последнее время менеджериалистские дискурсы были широко предписаны британским вузам (например, процедуры оценки работы персонала, включая новый жанр «оценочного интервью»), однако масштабы навязывания чрезвычайно не велики – большинство академических работников не «присвоили» новые управленческие дискурсы»³⁵.

Отмеченные взаимосвязи между различными типами управленческого дискурса и иными видами дискурсов проявляются и путем активного взаимодействия ключевыми узкодисциплинарными концептами. К примеру, ключевые концепты бизнес-дискурса (*деньги, потребление, собственность*) сегодня активно используются в управленческом дискурсе, и наоборот, ключевые концепты управленческого дискурса (*власть, управление, информация*) широко представлены в современном бизнес-дискурсе. Более того, Ю. В. Данюшина считает, что основные идеологемы управленческого дискурса – «сложный имплицитно-эмплицитный смысловой комплекс составляющих глобальной системы производства, распределения и контроля материальных благ и ресурсов, воплощающийся в базовой понятийной диаде – «человек – материальные блага», которая отражается и в его семантической макроструктуре, напрямую обуславливает его концептно-аксиологическую систему: основными ценностями и приоритетами сетевого бизнес-дискурса – а значит, и его дискурсообразующими концептами – являются «материальные блага (деньги, потребление, собственность)», которые в сочетании с «информацией (технологией, коммуникацией)» ведут к «успеху и власти»»³⁶. Вот почему имеет смысл рассмотреть взаимосвязи между различными видами дискурсов на уровне их дискурсообразующих концептов.

Концептуальная структура управленческого дискурса

На наш взгляд, концептный состав современного управленческого дискурса сегодня весьма пестры. Его **ядро** репрезентируют собственно «управленческие концепты, которые представляют его основную деятельность – *организацию, планирование, решение задач, контроль*». Исследованием было установлено, что в ИМ (интервью менеджера. – В. Щ.) «около 25 % высказываний построено вокруг данных концептов»³⁷.

Вторую по значимости **зону** управленческого дискурса составляют общенаучные социальные концепты (*власть, общество, религия, семья, социальные практики*), широко используемые в различных видах дискурсов (управленческом, политическом, социологическом, экономическом и др.). К примеру, Н. Фэрклоу считает, что концепт *социальные практики* является центральным, если рассматривать «социальную жизнь как сеть взаимосвязанных социальных практик различного рода (экономических, политических, культурных, семейных и т. д.)»³⁸. В свою очередь, по наблюдению академика РАН Ю. С. Степанова, редактора и автора вступительной статьи к «Словарю индоевропейских социальных терминов» Э. Бенвениста, речь в концепте «идет о социальных явлениях (принадлежащих к кругу семьи, хозяйства, власти, религии и т. д.), которые одновременно и социально осознаны, и зачастую даже «терминологизированы» естественным образом в языке»³⁹.

Наконец, к **периферии** управленческого дискурса можно отнести периодически используемые в его рамках узкодисциплинарные концепты самых разных наук и областей профессиональных знаний (политологии, социологии, экономики, истории, менеджмента, теории и практики «паблик релейшнз» и др.). Достаточно широкий спектр таких узкодисциплинарных концептов разных наук, наряду с собственно управленческими и общенаучными социальными концептами, отражен в существующих словарях и энциклопедиях для руководителей⁴⁰.

В пользу полевой (ядерно-зонально-периферийной) структуры концептного состава управленческого дискурса можно привести следующие аргументы:

1) концептуальный аппарат других наук и связанных с ними видов дискурсов построен сходным образом: «Концептуальный (понятийно-категориальный) аппарат социологии, по нашему мнению, включает в себя: общенаучные категории в соответствующем социологическом преломлении (социальная система, социальное развитие и др.), собственно социологические (стратификация, институт, организация, статус, роль, нормы, ценности и др.) и, наконец, категории дисциплин, пограничных с социологией (личность, семья, культура и т. д.)»⁴¹. Концептосфера политического же дискурса представляется комплексом взаимосвязанных и взаимообуславливающих друг друга концептов: «*народ, власть, политика (демократия), патриотизм (Россия/Америка), процветание, кризис, президент, солидарность, враг (терроризм)*»⁴². Ядро политического дискурса, по мнению российской исследовательницы Т. Красно-

вой, «составляет языковая картина мира, трансформированная модализованным сознанием в речевую реальность с оппозитивной структурой»⁴³;

2) сходным образом (по «субконцептам») структурируется и понятийное содержание одного из ключевых концептов управленческого дискурса (*гражданское общество*), посредством которого обозначается главный партнер (и главный конкурент!) органов государственного управления: «Так, смысловая структура культурного концепта «гражданское общество» как микромодель культуры включает в себя такие ... единицы («субконцепты»), как «свобода», «закон», «интересы», «права», «ассоциации», «общество», «нация», «гражданские инициативы», «партия», «общественное движение», «разнообразие», «личность», «индивидуализм», «либерализм». Соответственно, выявление и анализ когнитивно-коммуникативной парадигмы их употребления в текстах культуры (в философско-теоретических и практических дискурсах конкретно-исторической эпохи) позволяет сформировать целостное представление о содержании концепта «гражданское общество»⁴⁴.

Приведенные аргументы в пользу полевой (ядерно-зонально-периферийной) структуры концептного состава управленческого дискурса подтверждают обоснованность более общего вывода А. В. Тихомирова о тесной взаимосвязи параметров любого дискурса с соответствующими концептами: «концепты производятся, воспроизводятся, актуализируются, переосмысливаются, разрушаются в ходе дискурса и дискурсивной практики субъектов культуры... Дискурс включает в себя: а) предметную область; б) цели коммуникативно-когнитивной деятельности; в) языковые средства; г) текстовые формы и жанры, «порождаемые» дискурсом; д) типы контекста, в которых те или иные языковые единицы приобретают определенный культурный смысл; е) когнитивные структуры дискурса; ж) коммуникативные характеристики... Вышеназванные параметры дискурса представляют собой те процессуальные феномены, которые тесным образом связаны с созданием, воссозданием, вырождением, изменением концептов»⁴⁵. Особенно наглядными взаимосвязи между параметрами управленческого дискурса и используемыми в его рамках социальными концептами становятся при рассмотрении следующих проблем: а) выявления самого перечня социальных концептов, используемых управленцами в своей повседневной практике; б) классификации социальных концептов управленческого дискурса путем составления их словарей.

Выявление и классификация социальных концептов управленческого дискурса. Во многих странах мира менеджеры разного уровня все чаще используют словарные описания управленческих, социальных, политических и иных концептов⁴⁶ вместо ситуативных, текстовых определений ключевых понятий современного менеджмента, содержание которых в выступлениях разных авторов (участников управленческого дискурса) существенно варьирует. Созданию подобных словарных описаний управленческих, социальных, политических и иных концептов способствует формирование в рамках различных социогуманитарных дисциплин специализированных разделов по изучению узкодисциплинарных концептов (управленческая⁴⁷, политическая⁴⁸, социологическая⁴⁹; другие виды дисциплинарных концептологий).

Именно благодаря проведению ряда дисциплинарно ориентированных концептологических исследований на постсоветском пространстве выявлены и детально описаны следующие социальные концепты управленческого дискурса, сгруппированные нами в алфавитном порядке⁵⁰: *белорусская национальная идея, биовласть, борьба, бюрократия, власть, война, глобализация, глокализация, гражданское общество, деградация, демократия, диссиденты, жизненный мир, жребий, интеграция, интеллигенция, космополитизм, легитимация, легитимность, локализация, менталитет, народ, насилие, национализм, национальная идея, общность, партийность, патриотизм, политика, постиндустриализм, постсекулярное общество, постсоветское пространство, прогресс, пролетариат, пространство-время социального мира, революция, реинтеграция, русская идея, самоуправление, совесть, социальная память, социальная справедливость, социальное бессознательное, социальное воспитание, социальный капитал, социологическая культура, терроризм, традиционные ценности России, хорошее общество* и другие социальные концепты.

Более того, некоторые российские исследователи в своих работах по изучению различных типов управленческого дискурса (политического, делового, медийного и пр.) анализируют не только отдельные социальные концепты, но и целые наборы таких концептов⁵¹. Кроме того, в рамках постсоветской социогуманитарной науки созданы уже и первые словари социальных концептов⁵². Вместе с тем знакомство с зарубежной справочной литературой показывает, что результаты зарубежных концептологических исследований в области социальных знаний полнее отражены в специ-

ально созданных для этого концептуариях разных типов⁵³. Более объемный перечень опубликованных за рубежом словарей социальных концептов свидетельствует о серьезном отставании отечественной социогуманитарной науки в области словарного описания ключевых концептов.

Именно изучение практики выявления и использования социальных концептов в исследованиях отечественных ученых, описывающих современный управленческий дискурс, дает нам основания оптимистично оценивать перспективы данного направления в постсоветских государствах. Особенно если его представители своевременно осознают жизненную необходимость в решении двух непростых задач: 1) необходимость широкомасштабных исследований социальных концептов (на материале отечественных работ по изучению управленческого дискурса); 2) составление словарей новых типов (понятийных тезаурусов, словарей концептов, концептуальных глоссариев, классификаторов, рубрикаторов), позволяющих в максимально эксплицитном виде структурировать понятийно-концептуальное пространство управленческой сферы.

Выводы

Исследование демонстрирует острую необходимость интеллектуального «лечения» понятийно-категориального аппарата современного менеджмента. Сделать это можно только если в рамках отечественного управленческого дискурса будут выявлены и описаны все его типы и подтипы, а также эксплицирующие их дискурсивные практики, жанры и стили. Начать эту работу следует с выявления ключевых дискурсообразующих концептов: собственно управленческих, общенаучных социальных и узкодисциплинарных концептов разных направлений социогуманитарной науки, поскольку именно из концептов перечисленных выше типов и видов складывается концептуальная структура управленческого дискурса. При выявлении и описании дискурсообразующих концептов управленческой сферы следует использовать методы концептуализации, категоризации и стигматизации социальных знаний, а также особенности сформировавшегося в рамках отечественной социогуманитарной науки национального видения социальной картины мира. Выявленные при этом собственно управленческие, общенаучные социальные и прочие концепты управленческого дискурса можно классифицировать при помощи двух основных типов: 1) кратких (до 100 реестровых единиц) словарей концептов для каждого типа, подтипа и жанра управленческого дискурса. В качестве удачного назовем «Словарь текущей политики. Навигатор по посланиям Президента РФ 2004–2005 гг.» (2005), созданный для описания ключевых концептов такого жанра президентского дискурса, как послание Федеральному собранию; 2) максимально полных (сводных) словарей концептов управленческого дискурса, посредством которых будут описываться наиболее сложные, комплексные, междисциплинарные явления дискурсивной практики управления. Удачный пример такого сводного словаря концептов управленческого дискурса – «Словарь-справочник руководителя (Основные управленческие понятия в государственной, социально-экономической и политической жизни)» А. А. Касьянова (2007). Главным девизом перечисленных выше работ по совершенствованию понятийно-категориального аппарата современного менеджмента должны стать слова великого российско-американского социолога Питирима Сорокина: «Больше знаний, больше науки, больше понятий, – остальное все приложится».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ Тоффлер Э. Третья волна; пер. с англ. М., 2002. С. 122.
- ² См.: Солодовников С. Ю. Социально-экономический рост Республики Беларусь в контексте глобальных технологических тенденций: итоги, проблемы, перспективы // Беларусь и мировые экономические процессы : сб. науч. ст. Вып. 7. Минск, 2010. С. 13–14.
- ³ Кара-Мурза С. Бюрократия // Константы русской политической культуры / сост. Н. В. Гараджа. М., 2007. С. 65.
- ⁴ Русакевич В. В. Кадровой работе – постоянный поиск // Руководитель на рубеже XXI века : Материалы Междунар. науч.-практич. конференции. Ч. 2. Минск, 1999. С. 12.
- ⁵ Медведев Р. Александр Лукашенко. Контуры белорусской модели. М., 2010. С. 299.
- ⁶ Шмидт Г. Реформа системы государственного управления в Германии // Руководитель на рубеже XXI века : Материалы Междунар. науч.-практич. конференции. Ч. 2. Минск, 1999. С. 77–78.
- ⁷ Друкер П. Ф. Бизнес и инновации / пер. с англ. М., 2007. С. 59.
- ⁸ См.: Кириенко В. В., Савенко А. Ю. Менталитет славян в контексте интеграционных процессов (хроника) // Социология. 2011. № 2. С. 142.

- ⁹ Касьянов А. А. Словарь-справочник руководителя (Основные управленческие понятия в государственной, социально-экономической и политической жизни). Ростов-на-Дону, 2007. С. 22.
- ¹⁰ См.: Василе М. Д. Социальные теории о роли науки в изменяющемся обществе // Руководитель на рубеже XXI века : Тезисы докладов и выступлений к Междунар. науч.-практич. конференции. Ч. 1. Минск, 1999. С. 178.
- ¹¹ Полтерович В. М. Становление общего социального анализа // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. С. 109.
- ¹² Буравой М. За публичную социологию // *Общественная роль социологии* / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М., 2008. С. 45.
- ¹³ См.: Сивуха С. В. Капитализация социального капитала: посулы и реальные дивиденды // *Социальное знание и белорусское общество : Материалы междунар. науч.-практич. конференции*. Минск, 2009. С. 81.
- ¹⁴ Тульвинский О. В., Бородина И. Н., Бухтояров С. В. Концептуализация управления // *Известия Томского политехнического университета*. 2010. Т. 316. № 6. С. 98.
- ¹⁵ Тен ван Дейк: О трендах в дискурсном подавлении, европейском национализме и гуманитарной ядерной бомбе (Интервью брали Я. Тяжлов и Е. Кожемякин) // *Современный дискурс-анализ*. 2013. Вып. 9. (Электронный журнал : [www/discourseanalysis.org](http://www.discourseanalysis.org)). С. 4–5.
- ¹⁶ Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста // *Всесоюзный центр переводов. Тетради новых терминов*. 39. М., 1982. С. 7.
- ¹⁷ Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Т. А. ван Дейк: *Язык. Познание. Коммуникация* : пер. с англ. М., 1989. С. 8.
- ¹⁸ Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999. С. 115.
- ¹⁹ Современный словарь по общественным наукам / под общ. ред. О. Г. Данильяна, Н. И. Панова. М., 2005. С. 98.
- ²⁰ Кожемякин Е. А. Концептуально-методологическое обоснование дискурсной формы бытия культуры : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Белгород, 2009. С. 14.
- ²¹ Ухванова-Шмыгова И. Прошлое и будущее понятия «дискурс» // *La Table Ronde : сб. материалов*. Вып. 1. Дискурс в академическом пространстве : Материалы Междунар. круглого стола (3–5 апреля 2009 г., Минск, Беларусь). Минск, 2010. С. 12–13.
- ²² Савич Е. Дискурс – контекст // *La Table Ronde : сб. материалов*. Вып. 1. Дискурс в академическом пространстве : Материалы Междунар. круглого стола (3–5 апреля 2009 г., Минск, Беларусь). Минск, 2010. С. 18.
- ²³ См.: Ширяева Т. А. Когнитивная модель делового дискурса: монография. Пятигорск, 2006. С. 49–55.
- ²⁴ Юдина О. Л. Метафоры и метафорические модели в российском и англо-американском управленческом дискурсе: параллели и взаимодействие : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2012. С. 9.
- ²⁵ Там же. С. 22.
- ²⁶ Данюшина Ю. В. Идеология и аксиология управленческого дискурса в интернете как проявление коммуникативного идеологического менеджмента // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 1. С. 1.
- ²⁷ Даржаева Н. В. Управленческий дискурс в жанре интервью менеджера: функционально-прагматический аспект (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2009. С. 5.
- ²⁸ Данюшина Ю. В. Указ. соч. С. 3.
- ²⁹ Фэрклоу Н. Диалектика дискурса // *Современный дискурс-анализ: Методология: концептуальные обоснования*. 2009. Вып. 1. Том 1 (Электронный журнал : [www/discourseanalysis.org](http://www.discourseanalysis.org)). С. 118–119.
- ³⁰ См.: Переверзев Е., Кожемякин Е. О книге Тёна А. ван Дейка «Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации» // *Современный дискурс-анализ*. 2013. Вып. 8 (Электронный журнал : [www/discourseanalysis.org](http://www.discourseanalysis.org)). С. 5.
- ³¹ Гаврилова М. Российский политический дискурс: дискурсивно-когнитивный подход // *La Table Ronde: сб. материалов*. Вып. 1. Дискурс в академическом пространстве : Материалы Междунар. круглого стола (3–5 апреля 2009 г., Минск, Беларусь). Минск, 2010. С. 79.
- ³² Рогозин Д. М. Порядок в понятийном аппарате: методологические работы Н. С. Тимашева // *Социс*. 2010. № 6. С. 133.
- ³³ Данюшина Ю. В. Указ. соч. С. 3.
- ³⁴ Фэрклоу Н. Указ. соч. С. 120.
- ³⁵ Там же. С. 121.
- ³⁶ Данюшина Ю. В. Указ. соч. С. 2.
- ³⁷ Даржаева Н. В. Указ. соч. С. 5–6.
- ³⁸ Фэрклоу Н. Указ. соч. С. 117.

³⁹ Степанов С. Ю. «Слова», «понятия», «вещи». К новому синтезу в науке о культуре // Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов : пер. с фр. ; общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М., 1995. С. 5.

⁴⁰ См.: Право и экономика. Большой энциклопедический словарь высшего управленческого персонала / Гавриленко В. Г. [и др.]. Минск, 2001; Касьянов А. А. Словарь-справочник руководителя (Основные управленческие понятия в государственной, социально-экономической и политической жизни). Ростов-на-Дону, 2007.

⁴¹ Кабыща А. В., Тульчинский М. Р. Наукометрический анализ структуры социологического знания (по базам данных ИНИОН) // Социс. 1993. № 4. С. 40.

⁴² Сокол Н. А., Уланович О. И. Концептуальная структура политического дискурса // Лингвистическая теория и образовательная практика : сб. науч. ст. / отв. ред. О. И. Уланович. Минск, 2013. С. 105.

⁴³ Краснова Т. К методологии исследования политического дискурса // La Table Ronde : сб. материалов. Вып. 2. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики / под общ. ред. И. Ухановой, А. Кожинной, Е. Савич. Минск, 2013. С. 171.

⁴⁴ Тихомиров А. В. Понятия «концепт» и «дискурс» и проблема гражданского общества: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. № 10. С. 223.

⁴⁵ Тихомиров А. В. Понятия «концепт» и «дискурс» и проблема гражданского общества: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. № 10. С. 224–225.

⁴⁶ См.: Словарь текущей политики. Навигатор по Посланиям Президента РФ 2004–2005 гг. М., 2005; Касьянов А. А. Словарь-справочник руководителя (Основные управленческие понятия в государственной, социально-экономической и политической жизни). Ростов-на-Дону, 2007; Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. Харьков, 2010.

⁴⁷ См.: Тульвинский О. В., Бородина И. Н., Бухтояров С. В. Концептуализация управления // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6. С. 97–99.

⁴⁸ См.: Макаренко В. П. Аналитическая политическая философия: Очерки политической концептологии. М., 2002. ; Макаренко В. П. Политическая концептология: обзор повестки дня. М., 2005; Макаренко В. П. Политическая концептология: первые итоги разработки // Полис. 2009. № 6. С. 149–150.

⁴⁹ См.: Щербин В. К. Социологическая концептология: проблемы и перспективы развития // Социология. 2011. № 2. С. 18–42.

⁵⁰ См.: Щербин В. К. Социологическая концептология: проблемы и перспективы развития // Социология. 2011. № 2. С. 34–42.

⁵¹ См.: Левенкова Е. Р. Концептосфера политического дискурса Великобритании на рубеже XX–XXI веков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 4. С. 228; Шматко Н. А. Национальные концепты российского социологического дискурса // Социологический журнал. 2009. № 1. С. 111.

⁵² См.: Словарь важнейших терминов (глоссарий) // Соколова Г. Н. Экономическая социология. Минск, 1995. С. 199–246; Фролов С. Словарь ключевых социологических терминов. М., 1999; Касьянов А. А. Словарь-справочник руководителя. (Основные управленческие понятия в государственной, социально-экономической и политической жизни). Ростов-на-Дону, 2007; Махнач В. Л., Елишев С. О. Политика. Основные понятия: справочник, словарь. М., 2008; Ильганаева В. А. Социальные коммуникации (теория, методология, деятельность): словарь-справочник. Харьков, 2009; Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2009.

⁵³ См.: Williams R. Keywords: A vocabulary of culture and society. London, 1976; Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. с фр. М., 1995; Бэрн Р., Бирн Д., Джонсон Б. Социальная психология: ключевые идеи / пер. с англ. 4-е изд. СПб., 2003; Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь / пер. с англ. 2-е изд. М., 2004; Беккер К. Словарь тактической реальности: Культурная интеллигенции и социальный контроль / пер. с англ. М., 2004; Swedberg R. The Max Weber Dictionary: Key Words and Central Concepts. Stanford, 2005; 500 способов изменить мир: Банк глобальных идей / сост. Н. Темпл ; пер. с англ. М., 2006; The SAGE Dictionary of Social Research Methods / ed. by V. Jupp. London, 2006; Roberts K. Key Concepts in Sociology. Houndmills; New York, 2009 .

Поступила в редакцию 2.09.13.